
© 2005 А.А. Семенов

УДК 94(99)(47)

ББК 63.3(2)612-2

С 30

Профессиональная деятельность городских рабочих в годы гражданской войны: социальное раскрепощение эпохи экономического упадка

Аннотация:

Статья посвящена различным аспектам труда городских рабочих в чрезвычайных обстоятельствах системного кризиса российского общества и государства, поразившего страну в период революционных потрясений и гражданской войны 1917–1921 гг. В ней также рассматривается влияние на труд городских рабочих различных политических, социально-экономических и идеологических факторов в годы гражданской войны, исследуется характер тех изменений, которые произошли в рабочей среде и сфере профессиональной деятельности городских рабочих.

Ключевые слова:

Системный кризис, огосударствление, милитаризация, ценностные установки, «новая» власть, идеологемы, повседневность, локализация пространства.

После свершения Октябрьской революции перемены в экономике и, в частности, в промышленности приняли необратимый характер, часто неконтролируемый новой властью. Они коренным образом изменили положение городских рабочих – основного общественного слоя практически сразу поддержавшего революционные перемены, произошедшие в обществе и государстве. В условиях постреволюционного хаоса постепенно формировался новый тип управления экономической жизнью страны, ее промышленностью, он был тесно связан с произошедшими общественно-политическими изменениями и отражал идеологические и ценностные установки новой государственной власти. Во многом этот тип организации промышленности основывался на опыте мировой войны, в условиях которой Россия жила в годы, предшествующие революции. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве он был заимствован большевиками, и в последствии, нашел свое выражение в экономической политике новой власти. Его реализация в кризисной действительности гражданской войны повлекла за собой масштабные изменения положения городских рабочих, тесным образом связанных с промышленным производством, их труда и быта.

Основой реализуемого метода хозяйствования в сфере промышленного производства в годы гражданской войны стал военный коммунизм – система мероприятий, подчиняющая всю национальную промышленность нуждам государства и проводимой им политики. Этот тип экономической организации в той или иной степени применялся на протяжении Первой Мировой войны всеми воюющими странами, особенно широко он был распространен в Германии, вынужденной максимально концентрировать все имеющиеся у нее экономические ресурсы для противостояния державам «Согласия». Поэтому «в облике военного коммунизма много сходства с государственным капитализмом военного времени в Германии, где наиболее последовательно и жестко

проводилась централизация и государственное регулирование экономики в 1914–1920 годах»¹.

Общие черты этого типа экономической организации сформировались к 1917 г. и в Российской империи, поэтому их развитие было вполне закономерным в период прихода к власти новых политических сил, делающих ставку на обобществление средств производства и регулирование экономических процессов, происходящих в стране. С самого начала новая власть поставила своей целью установить контроль над промышленным производством и подчинить промышленность нуждам текущей политики.

Кроме того, сама идеология большевиков предусматривала коренную трансформацию отношений в промышленности и создание совершенно новых форм ее организации, отражающих основные принципы и идеологемы марксизма. Так, программа РКП(б), вышедшая в свет в 1919 г., в области экономической предполагала: «Неуклонно продолжать и донести до конца начатую и в главном и основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность Советской республики, т. е. в общую собственность всех трудящихся»².

Вместе с тем нельзя не отметить, что перестройка всех форм организации национальной промышленности, полное изменение основ хозяйствования в этой важнейшей сфере национальной экономики, во многом имела стихийный характер и не могла полностью контролироваться новой властью. Конечно, ее идеологические принципы и пропагандируемые идеи социального и имущественного равенства ускорили этот процесс и определили его магистральное направление,

¹ Фельдман М. А. Рабочие Урала в 1914 – 1922 гг. / Вопросы истории. – №10, 2001. – С.115.

² Ленин В. И. Полное собрание соч. Т. 38. – М.: Политиздат, 1974. – С. 433.

однако большую роль в его развитии сыграло также «революционное творчество масс», их стремление к изменению сложившегося уклада экономической жизни, к трансформации устоявшихся форм социальных взаимоотношений.

После октября 1917 г. в основных промышленных регионах России начались выступления рабочих, стремившихся взять управление предприятиями в свои руки. Так, уже после февраля 1917 г. в стране появилась система трудового самоуправления, которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях. Ее ячейкой был фабрично-заводской комитет (фабзавком)¹. Ими было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных².

Во многом эти выступления были стихийными и скорее являлись отражением сложившейся общественно-политической ситуации, развития «революционного сознания» масс, чем следствием проводимой большевиками целенаправленной политики. Различные способы управления предприятиями, которые возникали в процессе революционного переустройства промышленности, в основном отражали стремление рабочих покончить с традиционными формами организации и управления промышленными предприятиями, создать основы для возникновения новых форм экономической жизни, основанной на идеалах равенства и социальной справедливости. На первых порах новая власть не вмешивалась в этот процесс и практически никак не регулировала его. Однако несомненно, что самим своим появлением, своей победой над «традиционными» политическими силами она косвенно подтолкнула начало переустройства национальной промышленности на социалистических началах. С течением времени возникли самые разнообразные формы обобществления промышленных предприятий, на них был установлен рабочий контроль. Рабочие брали на себя функции управленцев и организаторов промышленного производства. «Началось массовое изгнание лиц, стоявших во главе предприятий, массовое смещение технического и административного персонала. Устранение сопровождалось оскорблениями, иногда физическим насилием, как месть за прошлые фактические и мнимые вины. Часть персонала уходила добровольно, не будучи в состоянии переносить того тяжелого нравственного положения, в которое ее поставила рабочая среда.... комитеты избирали и ставили на места ушедшего персонала зачастую совершенно неподготовленных и невежественных людей»³. Иногда деятельность руководителей фабзавкомов, их способы управления предприятиями часто граничили с личным произволом, вступали в прямое противоречие с интересами новой государственной власти. Так, 15 ноября 1918 г. административно-техническим персоналом Окуловской писчебумажной фабрики в ЦИК Советов было направлено письмо, в котором рассказывалось о действиях местного фабрично-заводского комитета: «На

19-ое Октября было назначено общее собрание рабочих, на котором по вопросу о выборах в Фабричный Комитет, председателем собрания Андреевым был нарушен установившийся на наших фабриках порядок выборов комитета... Затем, совершенно игнорируя существующее положение о национализированных предприятиях, по которому ответственные служащие не могут быть увольняемыми без распоряжения Центральной Власти, был принят пункт об увольнении врача П.Я. Осницкого... Вечером 24-го Октября по распоряжению Андреева на квартиру управляющего Н.П. Вишневого был послан вооруженный наряд милиции, доставивший его в помещение милиции, где в присутствии политического комиссара Ирбее и начальника милиции Белова председателем Комитета Андреев был учинен Н.П. Вишневному допрос»⁴.

Рабочие стремились к распространению новых форм организации труда и рабочего быта на новых социалистических началах. Формы установления рабочего контроля на предприятиях были самые разнообразные. Они в основном отражали общее идейно-политическое состояние рабочих масс и степень их стремления к коренной трансформации сложившейся экономической системы. Кроме этого, как справедливо указывает

Д.О. Чураков: «Это подразумевало со стороны рабочих определенный уровень понимания технологических и административных вопросов, умение разбираться в сложной ситуации на рынках, выявлять все нити, связывающие их предприятия со смежниками, потребителями и поставщиками. Наконец, учитывать технологическую специфику всего заводского хозяйства, а также обладать определенными коммерческими навыками»⁵. Результаты подобных изменений в промышленности были не одинаковы, степень радикальности перемен, их социально-экономическая эффективность варьировалась, однако общим итогом этого процесса стало коренная трансформация труда и быта городских рабочих, того самого общественного слоя, во имя которого, по словам большевистских лидеров, и совершалась социалистическая революция.

С самого начала «полностью освобожденный» труд рабочего класса не стал экономической панацеей, способной вывести страну из состояния затяжного социально-экономического кризиса. «Несмотря на... широкое распространение фабричных и заводских комитетов, контрольных комиссий и других органов рабочего самоуправления, им так и не удалось приостановить надвигающийся экономический кризис... производство сократилось на 51% обследованных предприятий и сокращение это продолжалось. Если до Октября объем сокращения производства колебался вокруг цифры в 45%, то теперь эта цифра увеличилась почти на 10%. На ряде предприятий сокращение производства достигало 27%, а то и 40%»⁶.

Напротив возникновение новых форм взаимоотношений на производстве, в трудовой деятельности и без того осложнили ситуацию на

¹ Кара-Мурза С. Г. Гражданская война (1918-1921) – урок для XXI века. М., 2003. – С. 32.

² Там же. – С. 37.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. – Мн.: Харвест, 2002. – С.158.

⁴ ГАРФ Ф. 1235 Оп. 93 Д. 587 Л. 392-393.

⁵ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. – М.: АИРО-XX, 1998. – С.57.

⁶ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. – М.: АИРО-XX, 1998. – С.133.

промышленных предприятиях, и не только не содействовали снижению остроты социально-экономического кризиса, а, напротив, способствовали его дальнейшему углублению.

Установление социальных гарантий, передача промышленных предприятий в руки самих рабочих и созданных ими организаций, вели к осуществлению давнего желания рабочего класса участвовать в управлении производством. Одновременно они сразу же разрушали привычные формы трудовой деятельности, производственную иерархию, дезорганизовали системы управления на предприятиях и, как следствие, способствовали общему падению производства, дальнейшему разрастанию хаоса в экономической жизни страны. Как отмечает А. И. Деникин «Местами рабочие захватывали всецело в свои руки промышленные предприятия – без знания управления ими, без оборотных средств, ведя их к гибели, а себя – к безработице и обнищанию»¹. «Освобожденный труд» принес и снижение ответственности рабочих за его результаты, привел к общему падению трудовой дисциплины и производительности труда. Так, наркомтруда А.Г. Шляпников, командированный СНК на Юг России в 1918 г. сообщал следующий факт, рассказывая о своем посещении Царицынских железнодорожных мастерских: «Администрация депо и рабочие единодушно признавали, что у них служебной дисциплины нет и ввести ее они не в силах. В этом, конечно, был корень пониженной производительности»². Причина этого явления заключалась в том, что, как справедливо указывал А.И. Деникин: «В промышленных предприятиях... изъяты все способы нравственного, материального и, в необходимых случаях, судебного воздействия и принуждения. Одной «сознательности» оказалось совершенно не достаточно»³. Показательным было то, что «Борьба за дисциплину в период между Февралем и Октябрем и сразу после Октября воспринимались самими рабочими как проявление «их классово сознательности» отсутствие у них «классового эгоизма». Отсюда меры по наведению порядка в цехах зачастую носили исключительно моральный характер, как это в свое время было и в крестьянской общине... Часто лишь злостное нарушение влекло за собой уже ощутимые санкции, такие, как штрафы, увольнения, изъятия из зарплат»⁴. Так, Н.А. Угланов, говоря о порядках, установившихся после революции на Петроградской фабрике «Скороход», отмечал: «Полнейшее отсутствие дисциплины, 15-летняя девчонка не считает своим долгом при приходе на завод показать своего номера, заявляя, что она его забыла, или не хочет вынуть из своего портмоне. Когда председатель заводского комитета просит показать номер, то его посылают к черту. Своего номера не вешают и в калитку отвыкли проходить в одиночку, а проходят пачками. На

обед уходили вместо 12 час. – в 11 час., с обеда возвращались не в час, а без 10 мин. два и позднее. Таким образом, за весь день наблюдается прилив и отлив: все время шло движение воды на фабрике Рабочие должны выработать достигает едва пары в день с натяжкой. Заработную плату мне не удалось выяснить за короткое время по статистике, я взял живой пример: остановил 19-летнего парня и спросил его: «Сколько, товарищ, зарабатываешь?» Он ответил: «Нормально зарабатываю, в две полочки от 8-10000 рублей»⁵.

Падению трудовой дисциплины способствовали и идеологические установки новой власти, обосновывавшие и оправдывавшие передачу промышленных предприятий в руки рабочих, разрушение прежней системы экономических связей. Так, например, во время гражданской войны впоследствии один из руководителей Советского государства Рыков отмечал: «Нам пришлось разрушить и уничтожить аппарат буржуазного хозяйства сверху до низу, начиная от... министерств в центре, и, кончая фабриками на местах... процесс реорганизации народного хозяйства... продолжается... и будет кончен лишь тогда, когда все формы старого государства будут заменены новой системой, принципиально отличной от буржуазно-капиталистической системы...»⁶. Согласно им рабочий класс считался гегемоном революции, а сама революция была совершена для освобождения его труда и устранения всех форм эксплуатации на производстве, для того чтобы рабочий мог управлять «производством без чиновников, без буржуазии, без капиталистов»⁷. Целью большевиков по выражению В.И. Ленина было то, «чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку»⁸. Исходя из этого, новая власть, активно поддерживала процесс разрушения традиционной экономики и считала его развитие необходимым условием формирования новой общественно-политической системы. Как отмечал Н.И. Бухарин в своей работе «Экономика переходного периода»: «Анализ той части переходного периода, которую можно характеризовать как крах капиталистической системы, привел нас к тому положению, что иерархическая технико-производственная система, которая в то же время есть выражение социально-классовых отношений и отношений производства, неизбежно распадается на составные элементы. Как ни мал может (конкретно-исторически) оказаться этот промежуточный момент производственной революционной «анархии», тем не менее, он является необходимым моментом в общей цепи развития»⁹. Новую власть не останавливало даже наметившееся резкое снижение производительности труда и падение промышленного производства, которое началось, впрочем, практически сразу после начала революционных перемен и

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. – Мн. :Харвест, 2002. – С.158.

² Шляпников А. Г. За хлебом и нефтью. / Вопросы истории – №7. – 2002. – С.141.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. – Мн. :Харвест, 2002. – С.159.

⁴ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. – М.: «АИРО-XX», 1998. – С.157

⁵ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр Блиц, 2000. – С.210.

⁶ ГАРО. Ф.1185, Оп.1, Д.3, Л.30.

⁷ Ленин В. И. Полное собрание соч. Т. 37. М.: Политиздат. 1974. – С. 446.

⁸ Ленин В. И. Полное собрание соч. Т. 41. М.: Политиздат. 1974. – С. 311

⁹ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 95.

установления рабочего самоуправления в промышленности.

Чувствуя себя победителями после свершения революции и одновременно испытывая значительные материальные затруднения, рабочие больше не желали заниматься традиционными видами труда, они стремились обрести новое профессиональное и социальное качество. Так, например, «Петроградские заводы дали коммунистической партии численно наибольшие и качественно наилучшие ее пролетарские кадры. Петроград рассыпал во все стороны боевые и продовольственные отряды, для борьбы с белыми и для отбирания у крестьян хлеба. Что же касается производства, то об этом много говорили, но ровно ничего не делали. Кроме производства зажигалок из пустых патронов, петроградская промышленность за коммунистический период ничем не обогатилась. Да и зажигалки рабочие готовили крадучись, на вольный рынок, из ворованного казенного материала...»¹. В исторический период, последовавший за революциями 1917 г. для смены рода деятельности городских рабочих, возникают все необходимые предпосылки и условия. Именно в них новая власть видит свою опору и свой социальный резерв.

В этой связи показательным было отношение рабочих к антибольшевистским правительствам на окраинах России. Во многих «белых» регионах страны ими были обеспечены достаточно сносные условия для существования. Так, например, А.И. Деникин в своих воспоминаниях отмечал, что «прожиточный минимум на Юге России городского рабочего в ноябре 1918 г. был определен советом екатеринодарских профессиональных союзов в 660 – 780 рублей. При этом содержание офицеров от прапорщика до Главнокомандующего составляло от 270 до 1000 рублей»².

Показательным было то, что в целом на окраинах страны, в особенности в регионах контролируемых белыми, размеры заработной платы и, как следствие, уровень жизни рабочих был значительно выше, чем в столицах. Так, в воспоминаниях С. Добровольского «Борьба за возрождение России в северной области» отмечалось: «Английское командование, имея дело с нашими рабочими судоремонтного завода и портowymi, выпустило для их вразумления сравнительную шкалу заработка английских и наших рабочих со справкой о ценах на предметы первой необходимости, причем оказалось, что наши рабочие совершенно не были обижены в расценке своего труда, что объяснялось отчасти тем, что рубль наш, утратив ценность на внешнем рынке сохранил довольно высокую покупательную стоимость на внутреннем...»³.

Достаточно стабильным было положение рабочих в белом Крыму, находившемся под управлением генерала Врангеля. Так, А.И.Ушаков и В. П. Федюк приводят сравнительные данные о положении рабочих и государственных служащих в Крыму. Средний заработок

рабочего летом 1920 г. составлял 60 – 80 тыс. что было вполне достаточной суммой превышающей прожиточный минимум⁴. Напротив «жалование чиновников 14 – 7 классов покрывало от 55 до 17% семейного прожиточного минимума, а в августе эта доля снизилась до 4,5 – 2%. С сентября оклады были увеличены, но эту прибавку быстро свел на нет рост цен. Уже в начале октября жалование чиновников составляло лишь от 4 до 11% прожиточного минимума»⁵.

Несмотря на значительно лучшие социально-экономические условия на территории подконтрольной «белым» правительствам, в отличие от центральных областей страны, контролируемых большевиками, политическую поддержку белое движение со стороны российских рабочих так и не получило. Так, на собрании, устроенном советом профессиональных союзов в «белой» Северной области, в Архангельске 12 марта 1919 г. было заявлено, «что все образовавшиеся на окраинах правительства ведут реакционную политику» и «Советская власть является естественной и единственной защитницей интересов рабочего класса»⁶.

Данную тенденцию, говоря о российском Юге, отмечал и лидер Белого движения на Юге России А.И.Деникин: «Рабочая среда – наименьшая численно (10–11%), но сосредоточенная в важных центрах и наиболее беспокойная – не скрывала своих явных симпатий к советской власти»⁷. В одной из белогвардейских агентурных сводок настроение рабочей массы характеризовалось следующим образом: «Отношение населения занятых местностей Красной Армией. Конечно трудно с точностью установить истинное отношение населения занятых красными местностей Советской России к Красной Армии. Во всяком случае можно сказать почти с уверенностью, что большинству не чужды желания отвратить радости пребывания в социалистической раю, особенно это чувствуется среди рабочих масс... Я полагаю, будь у большевиков побольше реальных средств по улучшению продовольствия и вообще условий жизни – они могли в России продержаться крайне значительный период»⁸.

Руководствуясь различного рода мотивами, российские городские рабочие, по крайней мере многие из них, оставили свою прежнюю профессиональную деятельность и отправились защищать власть, объявившую своей главной целью улучшение их социально-экономического положения. Уже к 1918 г. «фабрики остановились, города почти вымерли, а голодающие пролетарии или разбежались по деревням или превратились в красноармейцев, которые с помощью винтовки должны насадить в России социализм»⁹. Следствием этого стал массовый отток представителей рабочего класса с производства в управленческие и политические структуры новой власти, а также, в

⁴ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. – М.: «АИРО – XX», 1997. – с. 75.

⁵ Там же.

⁶ Архив Русской революции. Т. 3. М., 1991. – С. 35.

⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. – Мн.: Харвест, 2002. – С. 204.

⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.66. Д.75. Л.18.

⁹ Архив Русской революции. Т. 3. М., 1991. – С. 147.

¹ Архив русской революции. В 22 т. Т. 10 – М.: «Терра»: Политиздат, 1991. – С.28.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. – Мн.: Харвест, 2002. – С.161.

³ Архив Русской революции Т.3-4. М.: Терра. Политиздат. 1991. – С.93.

действующую армию. Это происходило не только по причинам экономического или идеологического характера. Конечно, среди рабочих было не мало истинных приверженцев новой власти и сторонников нового общественного устройства, многие из них испытывали и значительные материальные трудности, оставшись без средств к существованию, они оставляли свои привычные занятия в производственной сфере, откликаясь на призыв новой власти или руководствуясь собственными представлениями о политической целесообразности, нуждах военно-политической ситуации стране. В одном из таких призывов-воззваний, вышедших в годы гражданской войны, говорилось: «Все те граждане и рабочие, которые находятся без работы и празднуют по причине оставленным капиталистическим строем, дабы избавиться от ига капиталистической разрухи навсегда немедленно должны встать в ряды Социалистической Вооруженной Армии и защищать интересы трудового народа всего мира – будь-то поляк, литовец, латыш, эстонец, мадьяр, немец, француз и т.д.»¹.

И. И. Островская в своем докладе ЦК РКП (б), посвященном положению дел на Юге России, сообщает следующий факт из ее командировки в расположение частей 10-й армии Южного фронта: «Мною был сделан доклад... о мировом коммунизме и задачах нашей партии... доклад о положении и борьбе на Южном фронте», после чего «по сообщению товарищей до 1000 рабочих стали под ружье...»².

Наряду с активными приверженцами новой власти были и те, кто просто стремился использовать сложившееся положение в карьерных или лично-корыстных целях, используя благоприятный исторический момент для социального выдвижения и повышения своего общественного статуса. «Какая сила двигала этих людей, смертельно уставших от войны, на новые жестокие жертвы и лишения?... перспективы праздной, сытой жизни и обогащения грабежом. . . наконец, в большей или меньшей степени чувство классовой злобы и ненависти, воспитанное веками и разжигаемое сильнейшей пропагандой»³. А. И. Деникин приводит в своих воспоминаниях следующий факт: «Возвращение из ограбленного Киева макеевского отряда рудничных рабочих, их «внешний облик и размах жизни» вызывали в угольном районе такое стремление в красную гвардию, что сознательные рабочие круги были серьезно обеспокоены, «как бы весь наличный состав квалифицированных рабочих не перешел в красную гвардию»⁴.

Причем, необходимо отметить, что среди желающих покинуть промышленные предприятия была очень высокая доля профессиональной рабочей элиты – квалифицированных рабочих, составляющих до революции костяк рабочего класса и имеющих высокую профессиональную подготовку и передовые трудовые

навыки. «Оставались лишь более рыхлые или консервативные в отношении веками установившегося уклада жизни, поступившие в конечном результате в разряд государственных пенсионеров: «пролетарская власть», взявшая в свои руки предприятия, вынуждена была содержать рабочих за счет казны, независимо от ценности труда и выгодности предприятий. Но так как разоренное государство вынести такой тяготы фактически не могло, то жизнь этой категории рабочих с каждым днем становилась тяжелее и безотраднее»⁵. Все это не могло не сказаться на характере производства в годы гражданской войны. Данное обстоятельство вслед за становлением новых форм рабочего самоуправления и организации труда привело к дальнейшему падению производительности труда, сокращению производства и общей деградации национальной промышленности. Впрочем, сами рабочие причины низкой производительности своего труда видели совершенно в ином. Так, в стенограмме заседания Петроградского Совета о забастовке на Путиловском заводе, которое проходило 15 августа 1918 г. в выступлении рабочего делегата Иванова были следующие слова: «Если здесь хотя бы Путиловский завод обвинять в том, что его производительность пала, скажем, на 100%, то я скажу, что из этих 100% по крайней мере 80% надо возложить на голову народных комиссаров. (Аплодисменты)»⁶.

Потеря квалифицированных кадров объяснялась не только военно-политической ситуацией или желанием рабочих сделать карьеру в других сферах общественной жизни, но и общими хаотическими процессами, развивающимися после октября 1917 г. в российском обществе, которое вступило в полосу системного кризиса. С усилением гражданского противостояния многие промышленные центры фактически были ликвидированы, на большинстве заводов и фабрик производство практически остановилось, а сами промышленные объекты подверглись разрушению. Так Л. Д. Троцкий, характеризуя ситуацию в российской промышленности в годы гражданской войны, отмечал: «Механическое оборудование страны чрезвычайно обеднело. Износ машин от времени, работы, неряшливого обращения, низкой температуры в помещениях, а также прямое разрушение и утрата частей при эвакуациях и реэвакуациях не возмещаются в минимальной степени»⁷. Действия противостоящих сторон дезорганизовали фабричное производство и без того находящееся в состоянии глубокого коллапса.

А.И. Деникин отмечал: «Заводы и фабрики обратились вообще в кладбища – без кредита, без сырья и с огромной задолженностью; вдобавок перед приходом добровольцев они были частью эвакуированы, частью разграблены. Большинство заводов стояло, а рабочие их получали солидную заработную плату от совнархоза, за

¹ Гутенберг. Воззвание к армавирским рабочим // Кубанская правда. – 1918. – 24 мая. – С. 1.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 669. Д.25. Л.119.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. – Мн.: Харвест, 2002. – С. 252.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918. – Мн. Харвест, 2002. – С. 252.

⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918. – Мн. Харвест, 2002. – С. 15.

⁶ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 – 1929. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр Блиц, 2000. – С.166.

⁷ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1990. – С. 152.

которую, однако. . . нельзя было достать хлеба»¹. Те же фабрики и заводы, на которых работа все еще продолжалась, постоянно испытывали на себе влияние негативных факторов гражданской войны, делающих нормальную трудовую деятельность на предприятиях невозможной. И. Нарский, говоря об уральском регионе, указывает на то, что «в целом же картина хозяйственной жизни Урала оставалась безрадостной. В июне 1919 г., незадолго до возвращения большевиков, управляющий Пермской губернии сообщал министру внутренних дел о ненормальных условиях существования уральских заводов из-за отсутствия топлива, сырья и расстройств транспорта. Действовал лишь каждый пятый завод, количество неисправных паровозов составляло 75%, производство железа и стали не превышало 9% от предвоенного уровня, чугуна – 14%. Наиболее ощутимым для населения было свертывание производства товаров массового потребления. По данным съезда представителей уральской промышленности в мае 1919 г., производство спичек по сравнению с довоенными объемами сократилось вдвое, а бумаги, масла и мыла — вчетверо. В результате гражданской войны на Урале было разрушено 70% предприятий, потери уральской промышленности, по неполным данным, оцениваются в 539 млн. золотых рублей»².

Как и российские крестьяне рабочие стремились к локализации своего жизненного пространства, его ограждению от внешних сил, созданию в его рамках «привычного», «знакомого» мира способного защитить от проблем действительности. Рабочие брали под контроль предприятия, на которых они работали, и стремясь изолировать их от всякого внешнего влияния, создавали свой особый локальный мир, в пределах которого они могли жить и трудиться в относительной безопасности. Так, например, «Одновременно с поисками помощи грозненские рабочие стали... на путь организации вооруженной самообороны. При помощи технических сил и средств предприятий город был обнесен проволочным ограждением, по которому в минуту опасности пускался электрический ток. Были вырыты окопы, пулеметные гнезда и устроены другие оборонительные сооружения. Эти мероприятия помогли рабочему населению сохранить жителям свою жизнь и свой скраб»³.

Фактически труд рабочего в то время происходил в условиях постоянного чрезвычайного положения, эти условия дезорганизовали все усилия по выпуску продукции и организации стабильной работы предприятий. Рабочие, которые все еще оставались на производстве и добросовестно трудились, были вынуждены покидать предприятия и искать себе другие занятия, способные обеспечить существование человека в кризисных условиях. Фабрики и заводы, на которых они работали, стали объектами притязаний, действующих в период войны военно-политических сил, стремящихся взять под свой контроль промышленные предприятия. В сложившихся

обстоятельствах, обычный, производственный труд казался большинству рабочих невозможным.

К середине 1918 г. также наметился массовый отток рабочих с предприятий в действующие армии, управленческие структуры и, особенно, в сельскую местность. Главной побудительной причиной этого исхода были безработица и недостаток продовольствия в городах, который грозил перейти в массовый голод, в рабочей среде он ощущался особенно остро. Впрочем, связь российских рабочих с сельским хозяйством существовала на протяжении столетий, еще в 1898 г. видный российский экономист М. Туган-Барановский в своем фундаментальном труде «Русская фабрика» подчеркивал эту связь. Он, в частности, отмечал: «Отсутствие строгой дифференциации между земледельческим и промышленным трудом составляет... одну из могущественных причин невысокого уровня производительности труда русского рабочего. . .»⁴. В период гражданской войны эта постепенно слабевшая связь вновь усилилась и обрела новые черты и формы своего выражения. Если раньше имел место обратный процесс, т.е. переселение крестьян в города: «Куда же бежит мужик из деревни? На фабрики и в город»⁵. То теперь городские жители – рабочие, иногда во 2–3-м поколении очень часто переселялись в деревню.

Никакие мероприятия властей, белых и красных, призванные остановить перемещение рабочих, улучшить их жизнь путем введения системы распределения продуктов в городах, не имели успеха. За пределами сферы своей профессиональной деятельности рабочие надеялись обрести более спокойное существование и переждать самые тяжелые годы военной разрухи.

Как отмечает В.П. Портнов: «Некоторые рабочие, не находя себе применения на производстве из-за бездействия промышленных предприятий, вынуждены были заниматься мешочничеством, спекуляцией либо уходить в деревню»⁶. Отток рабочих практически полностью парализовал промышленное производство и без того находящееся в кризисном состоянии, и стал важным фактором видоизменения трудовой деятельности российского рабочего класса. Его прямым следствием являлось то, что вся тяжесть квалифицированной, профессиональной трудовой деятельности была переложена на плечи тех, кто был к ней наименее подготовлен, а именно на женщин, малолетних детей и вчерашних крестьян, которые отчасти заняли рабочие места в период 1917–1920 гг.

Таким образом, рассматривая изменения в труде городских рабочих, в годы гражданской войны, необходимо отметить, что они носили кардинальный, радикальный характер, и во многом, обусловили коренные перемены в повседневном существовании представителей этого слоя российского общества. Огромное влияние на процессы видоизменения в рабочей среде оказали перемены, произошедшие после октябрьской революции 1917 г. в различных сферах существования российского

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. – Мн.: Харвест, – 2002. – С. 87.

² Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. – М.: «РОССПЭН», 2001. – С.87.

³ Шляпников А. Г. За хлебом и нефтью. – Вопросы истории – №11 – 2002. – С.128.

⁴ Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. – М.: Государственное социально-экономическое издательство 1938 г. – С. 369

⁵ Там же. – С. 415.

⁶ Портнов В. П. ВЧК (1917-1922 гг.). – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 166.

общества. Труд городских рабочих в годы гражданской войны приобрел совершенно иные параметры в сравнении с дореволюционным временем. Общей основой и фоном его изменений стал масштабный политический и экономический кризис, потрясший все российское общество. Под его влиянием труд рабочих на промышленных предприятиях стал определяться несвойственными ему ранее факторами внеэкономического принуждения, милитаризма, регламентации. Он проходил в чрезвычайных обстоятельствах гражданской войны, которые наложили на него свой отпечаток. Следствием кризиса стало общее снижение эффективности труда и его производительности. Ситуацию усугубил отток квалифицированных рабочих в другие сферы общественной жизни, на фронт и в управленческие структуры. Кроме того, массовое перемещение рабочих наблюдалось из города в деревню, поскольку именно там они надеялись выжить в кризисных обстоятельствах. Важное значение в сокращении производства и падении эффективности труда, имела политика новой государственной власти, которая, под влиянием чрезвычайных условий гражданской войны и собственных идеологем попыталась создать новый тип экономической жизни.